Вилла «Белый конь»

Автор:
Агата Кристи

Вилла «Белый конь»

Агата Кристи

Возможно ли убийство посредством телепатии? Можно ли отравить человека при помощи древнего колдовства? Связан ли целый ряд таинственных несчастных случаев с ритуалами черной магии? Ответы на эти вопросы может дать только миссис Ариадна Оливер – писательница, регулярно появляющаяся во многих романах Агаты Кристи.

Агата Кристи

Вилла «Белый конь»

Джону и Хелен Майлдмей Уайт с глубокой благодарностью за предоставленную мне возможность увидеть торжество справедливости

Предисловие Марка Истербрука

Мне думается, существует двоякий подход к необычной истории виллы «Белый конь». Даже изречением шахматного короля здесь не обойдешься. Ведь нельзя сказать себе: «Начни с начала, дойди до конца и тут остановись»[1 - Л. Кэрролл «Приключения Алисы в Стране чудес». (Здесь и далее примеч. перев.)]. И где в действительности начало?

В этом всегда кроется главная трудность для историка. Как определить исходный момент исторического периода? В данном случае точкой отсчета может служить визит отца Гормана к умирающей прихожанке. Или же один вечер в Челси.

Коль скоро мне выпало писать большую часть повествования, я, пожалуй, с того вечера и начну.

Глава 1

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

Автомат «эспрессо» шипел у меня за спиной, как рассерженная змея. Было в этом шипении что-то зловещее, дьявольщина какая-то. Пожалуй, размышлял я, любой шум теперь почти всегда вселяет тревогу, пугает. Грозный, устрашающий рев реактивных самолетов в небе над головой; тревожный грохот вагонов метро, когда поезд выползает из туннеля; гул нескончаемого потока городского транспорта, сотрясающий твой дом... Даже привычные звуки домашнего обихода, по сути безобидные, настораживают. Машины для мытья посуды, холодильники, скороварки, воющие пылесосы словно предупреждают: «Берегись! Я джинн, которого ты держишь в узде, но ослабь чуть-чуть поводья...»

Опасный мир, поистине опасный.

Я помешивал ароматный кофе в дымящейся передо мной чашке.

– Закажете еще что-нибудь? Сандвич с ветчиной и бананом?

Сочетание показалось мне не совсем обычным. Бананы для меня – воспоминание детства, либо же их подают на блюде посыпанными сахарной пудрой и облитыми пылающим ромом. Ветчина в моем представлении ассоциируется только с яичницей. Но раз в Челси принято есть бананово-ветчинные сандвичи, я не стал отказываться.

Хоть я и жил в Челси, то есть снимал последние три месяца меблированную квартиру, я был здесь чужаком. Я работал над книгой о некоторых аспектах архитектуры периода Великих Моголов в Индии[2 - Великие Моголы – династия правителей Могольской империи (Индия), основанной в 1526 г. Батуром и просуществовавшей до 1858 г.] и с тем же успехом, как в Челси, мог поселиться в Хемпстеде, Блумсбери, Стритеме[3 - Хемпстед, Блумсбери, Стритем – районы Лондона.]. Жил я обособленно, занятый только работой, не обращая внимания на то, что делается вокруг, соседями не интересовался, а они, в свою очередь, не проявляли ни малейшего интереса к моей особе.

В тот вечер, однако, на меня напало отвращение к собственным трудам праведным, знакомое всем пишущим.

Могольская архитектура, могольские императоры, могольские обычаи – увлекательнейшие проблемы вдруг показались мне тленом, прахом. Кому это нужно? С какой стати вздумалось мне заниматься этим?

Я полистал страницы, перечитывая кое-что из написанного. Все скверно – слог отвратительный, скучища смертная. Кто бы ни изрек: «История – чушь» (кажется, Генри Форд?), он был совершенно прав.

Отложив в сердцах рукопись, я встал и посмотрел на часы. Было около одиннадцати. Я попытался вспомнить, обедал ли сегодня, и по внутреннему ощущению понял – нет. Поел днем в «Атенеуме»[4 - «Атенеум» – лондонский клуб ученых и писателей.], и с тех пор крошки во рту не было.

Я заглянул в холодильник, увидел там несколько неаппетитных ломтиков отварного языка и решил – нужно пойти куда-нибудь перекусить. Вот как получилось, что я оказался на Кингз-роуд[5 - Кингз-роуд – улица в Челси.] и забрел в кафе-бар. Меня привлекла сияющая красным неоном надпись на витрине: «Луиджи». И теперь, восседая за стойкой, я разглядывал сандвич с ветчиной и бананом и предавался размышлениям о том, каким зловещим стал

нынче любой шум, и о его влиянии на окружающую среду.

Мысли эти почему-то вызвали у меня в памяти детские впечатления. Пантомима, представление для малышей. Убогая сцена, крышки люков в полу, Дейви Джонс[6 - Дейви Джонс – персонаж детских спектаклей.] в клубах дыма выскакивает из ящика; в окнах появляются адские чудища, силы зла, бросая вызов Доброй Фее по имени Брильянтик (или что-то в этом роде). Та, в свою очередь, размахивает коротким жезлом, выкрикивает сдавленным голосом избитые истины о немеркнущей надежде и торжестве добра, предваряя этим гвоздь программы – финальную песенку. Ее затягивают хором все исполнители, и к сюжету пантомимы она не имеет ровным счетом никакого отношения.

Мне вдруг подумалось: зло, пожалуй, всегда больше впечатляет, чем добро. Зло непременно рядится в необычные одежды. И стращает! И бросает вызов всему свету. Зыбкое, лишенное основы, оно вступает в противоборство с прочным, устойчивым, вечным – тем, что звучит в словах Доброй Феи. И в конце концов, рассуждал я, прочное, устойчивое по логике жизни неизменно побеждает. Это и есть залог успеха нехитрых детских феерий. И ему не помеха бездарные вирши и банальные монологи Доброй Феи, ее сдавленный скрипучий голосок. И даже то, что в заключительном песнопении слова вовсе ни к селу ни к городу: «Дорожка вьется по холмам, бежит к любимым мной местам». У таких артистов талант вроде бы невелик, но они почему-то убедительно показывают, как добро одерживает верх. Оканчивается представление всегда одинаково: труппа в полном составе, ведомая главными героями, спускается по лестнице к зрителям. Чудесная Фея Брильянтик – сама добродетель и христианское смирение – вовсе не рвется при этом быть первой (или в данном случае последней[7 - Имеется в виду глава XIX, стих 30 Евангелия от Матфея: «Многие же будут первые последними и последние – первыми».]). Она в середине процессии бок о бок со своим недавним заклятым врагом. А он больше не обуянный гордыней Король-Демон, а всего-навсего усталый актер в красных лосинах.

«Эспрессо» зашипел снова. Я заказал еще чашку кофе и огляделся. Сестра постоянно меня корит за отсутствие наблюдательности, за то, что я ничего вокруг не замечаю. «Ты всегда уходишь в себя», – говорит она осуждающе. И сейчас я с сознанием возложенной на меня ответственности принялся внимательно разглядывать зал. Каждый день в газетах непременно мелькнет что-то о барах Челси и их посетителях, и вот мне подвернулся случай составить собственное мнение насчет современной жизни.

В кафе царил полумрак, и трудно было что-нибудь рассмотреть отчетливо. Посетители – почти все молодежь. Насколько я понимаю, из тех молодых людей, которых называют битниками. Девушки выглядели весьма неряшливо. И по-моему, были слишком тепло одеты. Я уже это заметил, когда несколько недель назад обедал с друзьями в ресторане. Девице, которая сидела тогда рядом со мной, было не больше двадцати. В ресторане было жарко, а она вырядилась в желтый шерстяной свитер, черную юбку и шерстяные чулки. Весь обед у нее по лицу градом катился пот. От нее разило потом и немытыми волосами. Мои друзья находили ее очень интересной. Я не разделял их мнения. Мне хотелось одного: сунуть ее в горячую ванну и дать кусок мыла. Видимо, я отстал от жизни. Ведь я с удовольствием вспоминаю женщин Индии, их строгие прически, грациозную походку, яркие сари, ниспадающие благородными складками.

Меня отвлек от приятных воспоминаний неожиданный шум. Две юные особы за соседним столиком затеяли ссору. Их кавалеры пытались утихомирить подруг, но тщетно.

Девицы перешли на крик. Одна влепила другой пощечину, а та стащила ее со стула. Они начали драться, как базарные торговки, поливая друг друга визгливой бранью. Одна была рыжая, и волосы у нее торчали во все стороны, другая – блондинка с длинными, свисающими на лицо прядями. Из-за чего началась потасовка, я так и не понял. Посетители сопровождали сцену ободряющими восклицаниями и мяуканьем:

– Молодец! Так ее, Лу!

Хозяин, тощий паренек с бакенбардами, которого я принял за Луиджи, вмешался – говор у него был как у истого уроженца квартала лондонской бедноты.

– Ну-ка, довольно вам, хватит. Сейчас вся округа сбежится. Не хватает мне фараонов. Перестаньте, вам говорят!

Но блондинка вцепилась рыжей в волосы, завопив при этом:

– Дрянь, отбиваешь у меня парня!

– Сама дрянь!

Хозяин и смущенные кавалеры разняли девиц. У блондинки в руках остались рыжие пряди. Она злорадно помахала ими, а потом швырнула на пол.

Входная дверь отворилась, и на пороге кафе появился представитель власти в синей форме.

– Что здесь происходит? – грозно спросил он.

Кафе встретило общего врага единым фронтом.

– Просто веселимся, – сказал один из молодых людей.

– Только и всего, – добавил хозяин. – Дружеские забавы.

Он незаметно затолкал ногой клочья волос под соседний столик. Противницы улыбались друг другу с притворной нежностью.

Полисмен недоверчиво оглядел кафе.

– Мы как раз уходим, – сказала блондинка сладким голоском. – Идем, Даг.

По случайному совпадению еще несколько человек собрались уходить. Страж порядка мрачно взирал на них. Этот взгляд ясно говорил: на сей раз им, так и быть, сойдет с рук, но он всех возьмет на заметку. И полисмен с достоинством удалился.

Кавалер рыжей уплатил по счету.

– Как вы, ничего? – спросил хозяин у пострадавшей, которая повязывала голову шарфом. – Лу вас крепко угостила – вон сколько волос выдрала.

– А я и боли-то никакой не почувствовала, – беззаботно отозвалась девица. Она улыбнулась ему: – Уж вы нас простите за скандал, Луиджи.

Компания ушла. Кафе почти совсем опустело. Я поискал в карманах мелочь.

– Все равно она молодчина, – одобрительно сказал хозяин, когда дверь закрылась, и, взяв щетку, замел рыжие волосы в угол.

– Да, боль, должно быть, адская, – ответил я.

– Я бы на ее месте не вытерпел, взвыл, – согласился хозяин. – Но Томми молодчина!

– Вы хорошо ее знаете?

– Да, она чуть ли не каждый вечер здесь. Такертон ее фамилия, Томазина Такертон. А здесь ее Томми Такер зовут. Денег у нее до черта. Отец оставляет ей все наследство, и что же она, думаете, делает? Переезжает в Челси, снимает какую-то конуру около Уондсворт-Бридж и болтается со всякими бездельниками. Одного не могу понять: почти вся эта шайка – люди с деньгами. Все на свете им по карману, могут поселиться хоть в отеле «Ритц». Да только, видно, такое вот житье им больше по нраву. Чего не пойму, того не пойму.

– А вы бы что делали на их месте?

– Ну я-то знаю, как денежками распоряжаться, – отвечал хозяин. – А пока что время закрывать бар.

Уже на выходе я спросил, из-за чего произошла ссора.

– Да Томми отбивает у той девчонки дружка. И право слово, не стоит он, чтобы из-за него драку затевать.

– Вторая девушка, кажется, уверена, что стоит, – заметил я.

– Лу очень романтичная, – снисходительно признал хозяин.

Я себе романтику представляю немного иначе, но высказывать своих взглядов не стал.

2

Примерно через неделю после этого, когда я просматривал «Таймс», мое внимание привлекла знакомая фамилия – это было объявление о смерти.

«Второго октября в Фоллоуфилдской больнице (Эмберли) в возрасте двадцати лет скончалась Томазина Энн Такертон, единственная дочь покойного Томаса Такертона, эсквайра, владельца усадьбы Кэррингтон-Парк, Эмберли, Суррей. На похороны приглашаются лишь члены семьи. Венков не присылать».

Ни венков бедной Томми Такер, ни развеселой жизни в Челси. Мне вдруг стало жаль многочисленных Томми Такер наших дней. Но я напомнил себе, что, в конце концов, я, быть может, и не прав. Кто я такой, чтобы считать их жизнь бессмысленной? А если моя собственная жизнь проходит впустую? Тихое существование ученого, зарывшегося в книги, жизнь из вторых рук. По правде говоря, разве мне ведомы радости бытия? Впрочем, я никогда их и не жаждал.

Я решил больше не думать о Томми Такер и взялся за полученные в тот день письма.

В одном из них моя двоюродная сестра Роуда Деспард просила об одолжении. Я ухватился за ее просьбу – настроения работать не было, и вот нашелся прекрасный повод отложить дела.

Я вышел на Кингз-роуд, остановил такси и отправился к своей приятельнице, миссис Ариадне Оливер.

Миссис Оливер была хорошо известна как автор детективных романов. Ее покой охраняла горничная Милли, поднаторевший в схватках с внешним миром дракон. Я вопросительно взглянул на нее. Милли энергичным кивком выразила мне позволение увидеть хозяйку.

– Идите-ка сразу наверх, мистер Марк, – сказала она. – Наша-то нынче с утра колобродит, пора ее в себя привести, может, вам удастся.

Я поднялся по лестнице на второй этаж, постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. Кабинет писательницы был светлый, просторный, на обоях

редкостные птицы, тропическая листва. Миссис Оливер в состоянии, близком к умопомешательству, ходила взад и вперед по комнате, бормоча что-то себе под нос. Она окинула меня невидящим взором, отпрянула к стене, потом к окну, выглянула наружу и вдруг зажмурилась, словно от нестерпимой боли.

– Почему, – вопрошала миссис Оливер, ни к кому не обращаясь, – почему этот дурак не сказал сразу, что видел какаду? Почему? Он не мог его не видеть! Но если он скажет, тогда погиб весь сюжет. Как же выкрутиться? Надо что-то придумать.

Она застонала и дернула себя за седые, коротко стриженные волосы. Затем, вдруг увидев меня, проговорила:

– Привет, Марк. Я схожу с ума. – И снова принялась жаловаться вслух: – А тут еще эта Моника. Такая дуреха! Хочется сделать ее привлекательнее, а она, как назло, все противнее и противнее. И зазнайка к тому же. Моника? Наверное, имя не то. Нэнси? Или Джоан? Вечно всех зовут Джоан. Или Энн. Сьюзен? Уже было. Лючия? Лючия. Пожалуй, так и назовем. Лючия. Рыжая. Толстый свитер. Черные колготки? Пусть чулки, но черные.

Миссис Оливер как будто на мгновение повеселела, но тут же взгляд ее вновь омрачился из-за злосчастного какаду. Она опять принялась шагать по кабинету, хватая со столиков безделушки и опуская их на другое место; с превеликим тщанием уложила футляр от очков в лаковую шкатулку, где уже покоился китайский веер, потом, глубоко вздохнув, сказала:

– Я рада, что это вы.

– Мило с вашей стороны.

– А то мог заявиться невесть кто. Какая-нибудь идиотка с предложением участвовать в благотворительном базаре или страховой агент – застраховать Милли, а она об этом и слышать не желает. Или сантехник... Впрочем, это была бы чересчур большая удача, верно? Или какой-нибудь интервьюер, а вопросы бестактные и вечно одни и те же. Как вы стали писательницей? Сколько книг написали? Сколько зарабатываете? И так далее и тому подобное. Я не знаю, что отвечать, и всегда предстаю в нелепом свете. Хотя, в общем, все это ерунда, а я вот с ума схожу из-за своего какаду.

– Не получается? – спросил я сочувственно. – Может, мне лучше уйти?

– Не уходите. Вы хоть немного меня отвлекли.

Я покорно принял сомнительный комплимент.

– Хотите сигарету? Где-то есть, посмотрите в футляре от машинки.

– Спасибо, у меня есть. Пожалуйста! Хотя нет, вы ведь не курите.

– И не пью, – добавила миссис Оливер. – А жаль. Все американские сыщики пьют. И у них всегда в ящике письменного стола припасена бутылочка виски. И кажется, это помогает им справляться с любыми трудностями. Знаете, Марк, я считаю, что в действительности убийца никогда не может замести следы. По-моему, если уж ты совершил убийство, это видно всему свету.

– Ерунда. Вы столько сочинили про это книг!

– По меньшей мере пятьдесят пять. Сочинить преступление легко, трудно придумать, как его скрыть. И чего это мне стоит! – мрачно продолжала миссис Оливер. – Говорите что угодно, а ведь это неестественно, если пять или шесть человек оказываются поблизости от места преступления, когда Б. убивают, и у всех у них есть мотив для убийства. Разве только этот самый Б. препротивный субъект, но тогда о нем никто не пожалеет и всем глубоко безразлично, кто именно убийца.

– Понимаю ваши трудности, – сказал я. – Но раз вы справились пятьдесят пять раз, справитесь и теперь.

– Вот и я это себе повторяю, но сама не верю. Мучение какое-то.

Она снова схватилась за голову и стала дергать прядку надо лбом.

– Перестаньте! – воскликнул я. – Того и гляди вырвете с корнем.

– Глупости, – заявила миссис Оливер. – Не так-то это просто. Вот когда я болела корью в четырнадцать лет и у меня была очень высокая температура, они у меня лезли клочьями – все волосы надо лбом выпали. Так было обидно. Для девочки просто ужас. Я вчера вспомнила об этом, когда была в больнице у Мэри Делафонтейн. У нее сейчас волосы лезут так же, как у меня тогда. Мэри говорит, ей придется носить накладку, когда она поправится. В шестьдесят лет волосы так легко не отрастают.

– Видел на днях, как одна девушка вырывала волосы у другой прямо с корнем, – сказал я, и в голосе у меня невольно прозвучала гордость человека, изведавшего подлинную жизнь.

– Где это вы такое видели?

– В одном кафе в Челси.

– А, Челси. Ну там, наверное, всякое может случиться. Битники, спутники, «Разбитое поколение»[8 - «Разбитое поколение» – литературное течение 50-х гг. в США. Ведущей его фигурой был писатель Джек Керуак, известный своим романом «Дорога» (1957).] и все такое. Я про них не пишу, боюсь перепутать названия. Лучше писать о том, что знаешь. Спокойнее.

– О чем же?

– О морских путешествиях, студенческих общежитиях, о больничных делах, церковных приходах, благотворительных распродажах, музыкальных фестивалях, общественных комитетах, приходящей прислуге, о молодежи, как она странствует автостопом по всему миру в интересах науки, продавцах и продавщицах… – Она остановилась, переводя дыхание.

– Понятно, об этом вам легко писать.

– И все-таки пригласили бы вы меня разок в какой-нибудь бар в Челси. Я бы там набралась новых впечатлений, – мечтательно промолвила миссис Оливер.

– Когда прикажете. Сегодня?

– Нет, сегодня не выйдет. Надо писать. Вернее, терзаться мыслью, что книга не получается. Вот в этом главная писательская беда. И вообще ремесло наше отнюдь не из приятных. Но есть прекрасные минуты, и они окупают все – на тебя нисходит вдохновение, ты рвешься скорее взяться за перо. Скажите, Марк, можно убивать на расстоянии? Дистанционным управлением?

– Что значит – на расстоянии? Нажать кнопку и послать смертоносный радиоактивный луч?

– Нет, я не о научной фантастике. Я о черной магии.

– Восковая фигурка – и булавку в сердце?

– Восковые фигурки теперь не в моде, – презрительно заметила миссис Оливер. – Но ведь случается странное, я столько слышала. В Африке, в Вест-Индии. Туземцы насылают друг на друга смерть. Вуду, ю-ю… В общем, вы знаете, о чем я.

Я возразил, что сейчас многое объясняют силой внушения. Жертве постоянно внушают, что она обречена, таков вердикт всех врачей, а подсознание делает свое дело и берет верх.

Миссис Оливер негодующе фыркнула:

– Попробуй кто-нибудь убедить меня, будто я обречена сейчас же лечь и умереть, – назло не умру.

Я рассмеялся:

– У нас в крови западный скепсис, который вырабатывался веками. Неверие в сверхъестественное.

– А вы, значит, верите?

– Не берусь судить, мне об этом почти ничего не известно. Что за странные у вас мысли сегодня. Новый шедевр будет об убийстве силой внушения?

– Вовсе нет. Что-нибудь привычное, вроде мышьяка, мне больше подходит. Либо же какой-нибудь надежный тупой предмет. С огнестрельным оружием всегда морока. Но ведь вы явились не для того, чтобы разговаривать о моих книжках.

– По правде говоря, нет. Просто моя двоюродная сестра Роуда Деспард устраивает благотворительный праздник и...

– Ни за что! – отрезала миссис Оливер. – Вам известно, что произошло на таком же празднике в прошлый раз? Я затеяла игру «Поиски убийцы», и первым делом, представьте, мы наткнулись на настоящий труп – жертву преступления. До сих пор никак не приду в себя.

– Поисков убийцы не будет. Все, что от вас потребуется, – это сидеть в палатке и надписывать свои книги, по пять шиллингов за автограф.

– Ну это бы еще ничего, – с сомнением произнесла миссис Оливер. – А мне не придется открывать праздник? Или говорить всякие глупости? И надевать шляпу?

Я заверил: ничего подобного от нее не потребуется.

– Это займет у вас всего час или два, – уговаривал я. – А потом сразу начнется крикет, хотя нет, время года неподходящее. Ну, танцы для детей, наверное. Или маскарад с призом за лучший костюм...

Миссис Оливер взволнованно прервала меня:

– Конечно! Как раз то, что надо! Мяч для крикета! В окно видно, как мяч взмывает в воздух, это отвлекает моего героя, он теряет ход мысли и ни словом не упоминает о какаду. Как хорошо, что вы пришли, Марк. Вы – замечательный!

– Я не совсем понимаю...

– Может быть, зато я понимаю, – сказала миссис Оливер. – Все запутано, и мне некогда объяснять. Очень приятно было повидаться, а теперь быстренько уходите. Немедленно.

– Ухожу. Насчет праздника решили?

– Подумаю. Не беспокойте меня пока что. Куда я, черт возьми, дела очки? Опять запропастились!

Глава 2

1

Миссис Джерати, экономка в доме католического священника, по своему обычаю, резко распахнула входную дверь. Она словно не просто открывала на звонок, а думала про себя со злорадным торжеством: «На сей раз, голубчик, ты мне попался!»

– Ну, чего тебе нужно? – грозно спросила она.

На крыльце стоял мальчик – обыкновенный мальчишка, каких много. Невзрачный, неприметный. Он громко сопел, видно, из-за насморка.

– Священник тут живет?

– Тебе нужен отец Горман?

– Меня за ним послали, – отвечал паренек.

– А кому это он понадобился и зачем?

– В доме двадцать три. На Бенталл-стрит. Там женщина помирает. Вот меня миссис Коппинз и послала. За католическим священником. Другие не годятся.

Миссис Джерати успокоила его на этот счет, велела мальчишке подождать и удалилась; через несколько минут появился высокий пожилой священник с небольшим кожаным саквояжем в руке.

– Я отец Горман, – сказал он. – Бенталл-стрит? Это возле сортировочной станции?

– Совсем рядом, рукой подать.

Они зашагали по улице.

– Ты говоришь, миссис Коппинз? Так ее зовут?

– Она – хозяйка дома. Комнаты сдает. А помирает жиличка. Дэвис, что ли, зовут.

– Дэвис? Что-то не припомню.

– Да она из ваших будет. Католичка то есть.

Священник кивнул. Они быстро дошли до Бенталл-стрит. Мальчик показал на унылый дом в ряду таких же высоких и унылых домов:

– Вот он.

– А ты не пойдешь со мной?

– Да я не здесь живу. Просто миссис Коппинз дала мне шиллинг, чтоб я за вами сбегал.

– Понятно. Как тебя зовут?

– Майк Поттер.

– Спасибо, Майк.

– Пожалуйста, – ответил Майк и пошел прочь от дома, насвистывая. Чья-то неминуемая смерть его не печалила.

Дверь дома номер двадцать три отворилась, и миссис Коппинз, краснолицая толстуха, пригласила священника войти.

– Милости прошу, пожалуйста, – сказала она приветливо. – Жиличка моя совсем плоха. Ее бы надо в больницу, я уж звонила, звонила, да разве они когда приедут вовремя... У моей сестры муж ногу сломал, так шесть часов ждал, пока приехали. Здравоохранение называется. Денежки берут, а когда понадобится врач, то и днем с огнем не найдешь.

Она вела священника вверх по узким ступенькам.

– Что с ней?

– Да гриппом болеет. И вроде ей уж получше было. Рано вышла. В общем, приходит она вчера вечером – краше в гроб кладут. Легла. Есть ничего не стала. Доктора, говорит, не нужно. А нынче утром гляжу – ее лихорадка бьет. На легкие перекинулось.

– Воспаление легких?

Миссис Коппинз кивнула. Она открыла дверь, пропустила отца Гормана в комнату, объявила бодрым, веселым голосом: «Вот к вам и священник пришел. Теперь все будет хорошо» – и удалилась.

Отец Горман подошел к больной. В комнате, обставленной старомодной мебелью, было чисто прибрано. Женщина в кровати возле окна с трудом повернула голову. Священник увидел с первого взгляда, что она тяжело больна.

– Вы пришли... Времени осталось мало. – Она говорила с трудом, задыхаясь. – Злодейство... Такое злодейство... Мне нужно... нужно... Я не могу так умереть... Исповедаться в моем... тяжком грехе...

Полузакрытые глаза блуждали. С губ срывались какие-то еле слышные слова.

Отец Горман подошел совсем близко. Он заговорил так, как ему приходилось говорить часто – очень часто. Слова ободрения и утешения, слова его призвания и веры. Мир и покой снизошли в комнату. Тяжкая мука исчезла из глаз

умирающей, женщина продолжала:

– Положить конец... Остановить их... Обещайте...

Священник сказал успокаивающе:

– Я сделаю все, что нужно. Положитесь на меня...

Чуть позже появились одновременно доктор и карета «Скорой помощи». Миссис Коппинз встретила их с мрачным торжеством.

– Как всегда, опоздали! – возвестила она. – Она умерла.

2

Отец Горман возвращался домой. Вечерело. Опускался туман, становился гуще. Священник озабоченно хмурился. Невероятная, небывалая история... В какой-то мере, быть может, порождение лихорадочного бреда. Есть в ней и правда, бесспорно, но что правда, а что вымысел? Тем не менее нужно записать фамилии, пока они еще свежи у него в памяти. Он зашел в маленькое кафе, сел за столик и заказал чашку кофе. Пошарил в карманах. Ох уж эта миссис Джерати – ведь просил ее зашить подкладку. Не зашила, конечно. Записная книжка, карандаш и мелочь провалились в дыру. Он с трудом выудил несколько монеток и карандаш, а достать записную книжку не удалось. Принесли кофе, и он попросил листок бумаги. Ему предложили рваный бумажный пакет.

– Подойдет?

Отец Горман кивнул и взял пакет. Он начал писать фамилии, главное – не забыть их. Вечно фамилии вылетают у него из памяти.

Дверь кафе отворилась, вошли трое молодых людей в эдвардианских костюмах[9 - Лондонская молодежь в начале 60-х гг. (время, описываемое в романе) увлекалась модой начала XX в., названной эдвардианской по имени короля Эдуарда VII (правил в 1901 – 1910 гг.).] и шумно уселись за столик.

Отец Горман кончил писать, сложил бумажку и хотел уже опустить ее в карман, как вдруг вспомнил про рваную подкладку. И тогда поступил так, как ему частенько приходилось, – положил записку в ботинок.

Вошел какой-то человек и тихо сел за столик в углу. Отец Горман отпил из вежливости немного жидкого кофе, попросил счет и расплатился. Затем встал из-за стола и покинул кафе.

Посетитель, который сидел в углу, вдруг взглянул на часы, словно вспомнив, что перепутал время, поднялся и поспешно вышел.

Туман все сгущался. Отец Горман ускорил шаг. Он отлично знал свой район и пошел напрямик по узенькой улочке вдоль железнодорожных путей. Может, он и слышал позади себя чьи-то шаги, но не придал этому никакого значения. Мало ли кто идет по улице.

Его оглушил неожиданный тяжелый удар по голове. Отец Горман пошатнулся и упал лицом на тротуар.

3

Доктор Корриган, насвистывая «Отец О'Флинн»[10 - «Отец О'Флинн» – ирландская народная песня.], вошел в кабинет инспектора полиции Лежена и сообщил ему беззаботно:

– Я разобрался с вашим падре.

– Какие результаты?

– Медицинские термины мы прибережем для следователя. Убит ударом тяжелого предмета по голове. Погиб, вероятно, от первого же удара, но убийца добавил еще для верности. Мерзкая история.

– Да, – согласился Лежен.

Это был коренастый крепыш, темноволосый и сероглазый. На первый взгляд он казался очень сдержанным, но иногда выразительная жестикуляция выдавала его происхождение – предки Лежена были французскими гугенотами. Он сказал задумчиво:

– Слишком мерзкая история для обычного убийства с ограблением.

– А его ограбили?

– Похоже на то. Карманы были вывернуты, вся подкладка сутаны изрезана.

– На что они рассчитывали? – удивился Корриган. – Приходские священники обычно бедны как церковные крысы.

– Размозжили ему голову для пущей верности, – заметил Лежен вслух. – Интересно, для чего им это понадобилось?

– Два возможных ответа, – предположил Корриган. – Один: действовал молодой убийца, который совершает преступления по жестокости, таких, к сожалению, немало.

– А второй вариант?

Доктор пожал плечами:

– Кто-то затаил злобу против вашего отца Гормана. Могло такое быть?

Лежен отрицательно покачал головой:

– Вряд ли. Здесь его все любили. И врагов у него, насколько известно, не было. И взять вроде бы нечего. Разве...

– Что – разве? – спросил Корриган. – У полиции свои соображения?

– У него была записка, которую убийца не нашел. Записка оказалась в ботинке.

Корриган свистнул:

– Какая-то шпионская история.

Лежен улыбнулся:

– Все гораздо проще. В кармане была дыра. Сержант Пайн разговаривал с экономкой священника. Похоже, весьма неряшливая особа. Не следила за его одеждой, не чинила вовремя. Она подтвердила, что у отца Гормана была привычка засовывать бумаги и письма в башмак – чтобы они не провалились через дыры в карманах.

– А убийца об этом не знал?

– Ему такое и в голову не пришло бы! Если только он охотился именно за этим клочком бумаги, а не за несколькими мелкими монетами.

– А что в записке?

Лежен открыл ящик стола и вытащил смятую бумажку.

– Просто несколько фамилий, – сказал он.

Корриган с любопытством стал читать:

Ормерод

Сэндфорд

Паркинсон

Хескет-Дюбуа

Шоу

Хармондсуорт

Такертон

Корриган?

Делафонтейн?

Он удивленно поднял брови:

– Я тоже в этом списке!

– Вам эти фамилии что-нибудь говорят? – спросил инспектор.

– Ни одной не знаю.

– И никогда не встречали отца Гормана?

– Нет.

– Значит, особой помощи от вас ждать не приходится.

– Какие-либо догадки насчет списка имеются?

Лежен уклонился от прямого ответа:

– Соседский мальчишка пришел к отцу Горману около семи вечера. Сказал, что одна женщина при смерти и просит позвать священника. Отец Горман отправился вместе с мальчиком.

– Куда? Вам известно?

– Известно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы выяснить. Бенталл-стрит, дом двадцать три. Дом принадлежит некоей миссис Коппинз. Больную звали миссис Дэвис. Священник пришел туда в четверть восьмого и пробыл

около получаса. Миссис Дэвис умерла как раз перед приездом кареты «Скорой помощи» – больную хотели отправить в лечебницу.

– Понятно.

– Дальше следы отца Гормана привели в маленькое захудалое кафе. Заведение вполне приличное, ничего предосудительного за ним не числится, кормят скверно, посетителей всегда мало. Отец Горман заказал чашку кофе. Потом, видно, поискал в карманах, не нашел того, что нужно, и попросил у хозяина – его зовут Тони – листок бумаги. Вот он, этот листок. – Инспектор указал на смятую записку.

– И дальше?

– Когда хозяин подал кофе, священник уже что-то писал. Он очень скоро ушел, к кофе почти не притронулся, и за это я его не виню, а записку положил в ботинок.

– Кто еще был в кафе?

– Трое парней, с виду стиляги, появились после него и заняли один столик, и еще какой-то пожилой человек – он уселся за стол в углу, так ничего и не заказал и скоро ушел.

– Пошел следом за священником?

– Возможно. Хозяин не видел, как он уходил. Описал его как ничем не примечательную личность. Почтенный с виду. Ничего особенного во внешности. Среднего роста, пальто то ли синее, то ли коричневое. Волосы ни темные, ни светлые. Может, не имеет к этому делу никакого отношения. Трудно сказать. Он еще не являлся к нам сообщить, что видел священника в кафе, – мы просили всех, кто видел отца Гормана от без четверти восемь до четверти девятого, сообщить. Пока пришли только двое: женщина и владелец аптеки неподалеку отсюда. Сейчас я их допрошу. Тело нашли в четверть девятого два мальчугана. На Уэст-стрит – знаете, где это? Закоулок, тупик, по одну сторону проходит железная дорога. Остальное вам известно.

Корриган кивнул и похлопал рукой по бумажке:

– Что вы об этом думаете?

– По-моему, важная улика.

– Умирающая рассказала ему что-то, и он поскорее записал названные фамилии. Боялся забыть? Тут только один вопрос: стал бы он записывать, если бы его связывала тайна исповеди?

– Их необязательно назвали с условием сохранить тайну, – заметил Лежен. – Может, эти фамилии имеют отношение к какому-то шантажу.

– Вы так думаете?

– Я пока ничего не думаю. Всего лишь рабочая гипотеза. Допустим, этих людей шантажировали. Покойная либо знала о шантаже, либо сама в нем участвовала. Ее мучило раскаяние, она призналась во всем, хотела, чтобы дело уладили. Отец Горман взял на себя эту ответственность.

– И дальше?

– Все остальное – догадки, – сказал Лежен. – Кто-то, скажем, получал от этого доходы и не хотел их терять. Он узнаёт: миссис Дэвис при смерти и послала за священником. И так далее.

– Интересно, – проговорил Корриган, рассматривая бумажку, – почему здесь вопросительный знак у двух последних фамилий?

– Отец Горман мог сомневаться, правильно ли он их запомнил.

– Конечно, могло быть «Маллиган» вместо «Корриган», – сказал доктор с усмешкой. – Очень вероятно. Но уж «Делафонтейн» не спутаешь ни с чем. Странно, ни одного адреса…

Он снова перечитал фамилии.

– Паркинсонов полно. Фамилия Сэндфорд тоже встречается сплошь и рядом. Хескет-Дюбуа – язык сломаешь. Нечасто услышишь. – Неожиданно он перегнулся

через стол и взял телефонную книгу. – Посмотрим. Хескет, миссис А... Джон и К°, водопроводчики... Сэр Айсидор. Ага! Вот оно! Хескет-Дюбуа, леди, Элсмер-сквер, 49. А не позвонить ли ей сейчас?

– И что мы ей скажем?

– Вдохновение выручит, – беззаботно отвечал доктор Корриган.

– Звоните, – решил Лежен.

– Что? – удивленно воззрился на него Корриган.

– Я сказал, звоните, – ласково промолвил Лежен. – Почему вы так удивились? – Он сам взял трубку: – Город, – и взглянул на Корригана: – Говорите номер.

– Гросвенор, 64578.

Лежен повторил номер в трубку и передал ее Корригану.

– Развлекайтесь, – сказал он.

Слегка растерявшись, Корриган смотрел на инспектора. В трубке долгое время раздавались гудки и никто не отвечал. Наконец послышался одышливый женский голос:

– Гросвенор, 64578.

– Это особняк леди Хескет-Дюбуа?

– Э... э... да... то есть... я хочу сказать...

Доктор Корриган не стал особенно вслушиваться в невнятные звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Л. Кэрролл «Приключения Алисы в Стране чудес». (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Великие Моголы – династия правителей Могольской империи (Индия), основанной в 1526 г. Батуром и просуществовавшей до 1858 г.

3

Хемпстед, Блумсбери, Стритем – районы Лондона.

4

«Атенеум» – лондонский клуб ученых и писателей.

5

Кингз-роуд – улица в Челси.

6

Дейви Джонс – персонаж детских спектаклей.

7

Имеется в виду глава XIX, стих 30 Евангелия от Матфея: «Многие же будут первые последними и последние – первыми».

8

«Разбитое поколение» – литературное течение 50-х гг. в США. Ведущей его фигурой был писатель Джек Керуак, известный своим романом «Дорога» (1957).

9

Лондонская молодежь в начале 60-х гг. (время, описываемое в романе) увлекалась модой начала XX в., названной эдвардианской по имени короля Эдуарда VII (правил в 1901 – 1910 гг.).

10

«Отец О'Флинн» – ирландская народная песня.

Купить: https://tellnovel.com/agata-kristi/villa-belyy-kon-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити